

МАССОВЫЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В ЯРОСЛАВЛЕ: АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

© 2009 г. А. В. Энговатова, Д. О. Осипов, Н. Н. Фараджева,
А. П. Бужилова, Н. Н. Гончарова
Институт археологии РАН, Москва

В 2004–2006 гг. Отделом охранных раскопок ИА РАН были проведены крупномасштабные археологические исследования на территории “Рубленого города” – Ярославского кремля. Данное место (Стрелка) представляет собой высокий мыс, образованный слиянием рек Волга и Которосль (рис. 1). Проведение раскопок в исторической части города, на территории городища было связано с решением Администрации Ярославской области, принятым летом 2004 г., касающимся реализации проекта воссоздания Успенского собора второй половины XVII в., разрушенного в 1937 г.

Перед экспедицией стояли как археологические, так и историко-архитектурные задачи, определившие комплексный характер исследований. Ученых интересовали характер и датировка культурного слоя на территории древнейшей части Ярославля, местоположение и планировка Успенского собора. В результате работ 2004–2006 гг. был археологически изучен значительный по размерам участок площадью более 2500 м², полностью раскрыты остатки фундаментов последнего Успенского собора, относящегося к 60-м годам XVII в., и выяснено, что данный храм был поставлен на новое место по отношению к древнейшему Успенскому собору, построенному в 1215 г. князем Константином Ростовским, а также последующим сооружениям 1504 и 1646 гг. Успенского собора. Были изучены фундаменты центральной части храма 60-х годов XVII в., трех его первоначальных крылец, западной паперти 1723 г. (расширенной в конце XIX в.) и примыкавшей с юга теплой церкви князей Василия и Константина 1831–1833 гг. (архитектурные исследования проведены Е.И. Рузаевой и А.В. Ягановым).

В ходе работ были изучены напластования мощностью 120–140 см, датируемые XII–XVIII вв., содержащие разнообразные комплексы и сооружения. Всего на площади раскопа зафиксировано 69 сооружений различного назначения, в том числе жилые и хозяйственные постройки (как наземные, так и заглубленные по отношению к дневной поверхности), остатки печей, а также более

350 хозяйственных и строительных ям, что свидетельствует об активном освоении этой территории на протяжении всего исследуемого периода.

Сооружения домонгольского времени представлены в основном заглубленными подклетами, остатки наземных срубов этого периода сохранились крайне фрагментарно. Одной из наиболее интересных заглубленных построек является сооружение 9, исследованное в ходе работ 2005 г. Оно представляло собой котлован размерами 4 × 3 м, вытянутый в направлении СЗ–ЮВ (рис. 2, А, Б). Постройка сохранилась практически полностью, за исключением ЮВ и ЮЗ углов, пробитых фундаментными рвами Успенского собора.

По отношению к уровню древней дневной поверхности котлован был заглублен на 80–90 см (на 60 см опущен в материк). Дно постройки ровное, плоское, пол сохранился в виде пятен древесного тлена. Стенки котлована были укреплены посредством частокола, от которого в придонной части сохранились ямки, заполненные древесным тленом. Колья диаметром 8–10 см были поставлены вплотную (иногда с интервалами не более 8–12 см) и располагались по периметру котлована. По отношению ко дну котлована постройки колья заглублены в среднем на 18–20 см. Во внутреннем пространстве сооружения, а также по линии стен прослежены остатки более массивных столбовых опор диаметром 20–35 см, связанных с конструкцией стен или перекрытий. Вход в постройку расположен со стороны ее СВ угла, где прослежен привходный пандус.

О хозяйственном назначении сооружения свидетельствуют следующие находки: два жернова, железный широколезвийный рабочий топор (подобные топоры датируются XII–XIII вв.), железные цилиндрические замки (один из них со сломанным ключом), ключи, шиферное пряслице, обломки амфоры, а также большое количество сгоревшего зерна, представляющего различные виды злаков: рожь, овес, пшеницу, ячмень (палеоботанические определения выполнены кандидатом исторических наук Е.Ю. Лебедевой). Соору-

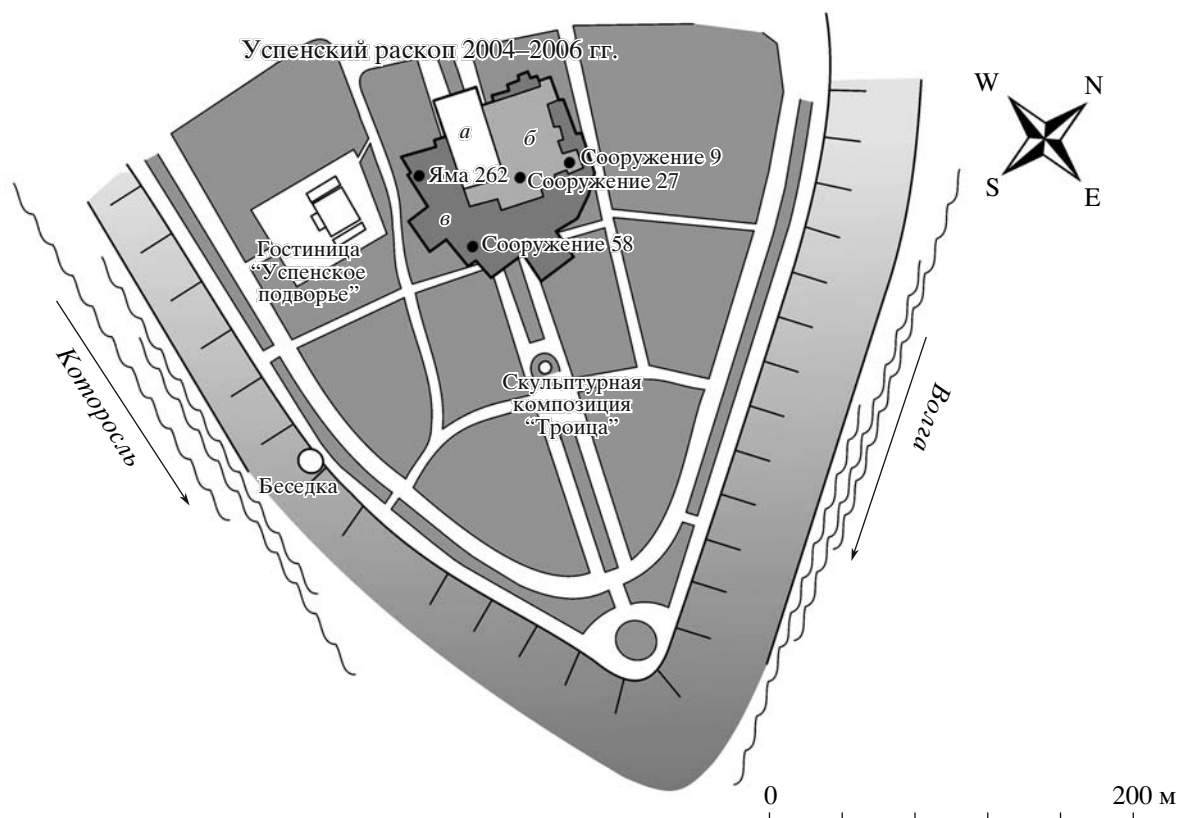

Рис. 1. Место проведения работ (условные обозначения: а – раскоп 2004 г.; б – раскоп 2005 г.; в – раскоп 2006 г.).

жение представляло собой заглубленный хозяйственный подклет, однако не исключено, что это была отдельно стоящая хозяйственная постройка с пониженным уровнем пола.

Постройка погибла от пожара, на что указывает большое количество обожженных плах и сгоревшего зерна, зафиксированного в придонной части постройки и в ее заполнении. После пожара сооружение было использовано в качестве вместилища для коллективного захоронения. В заполнении котлована были обнаружены человеческие костяки (останки 97 человек), беспорядочно уложенные в шесть-восемь ярусов (рис. 2, В).

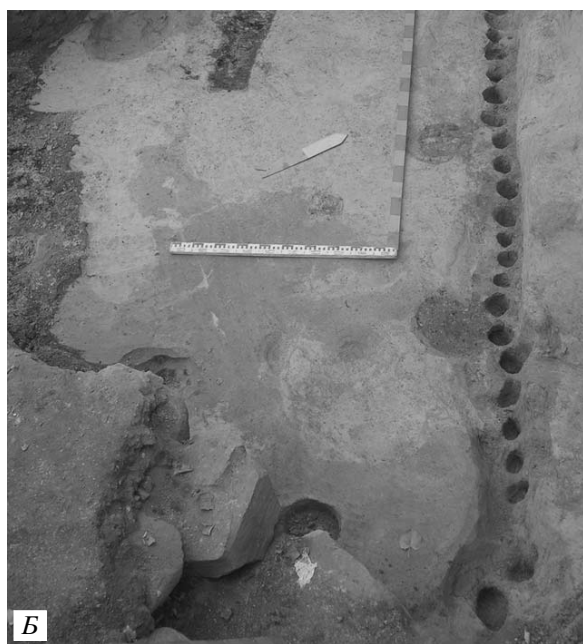
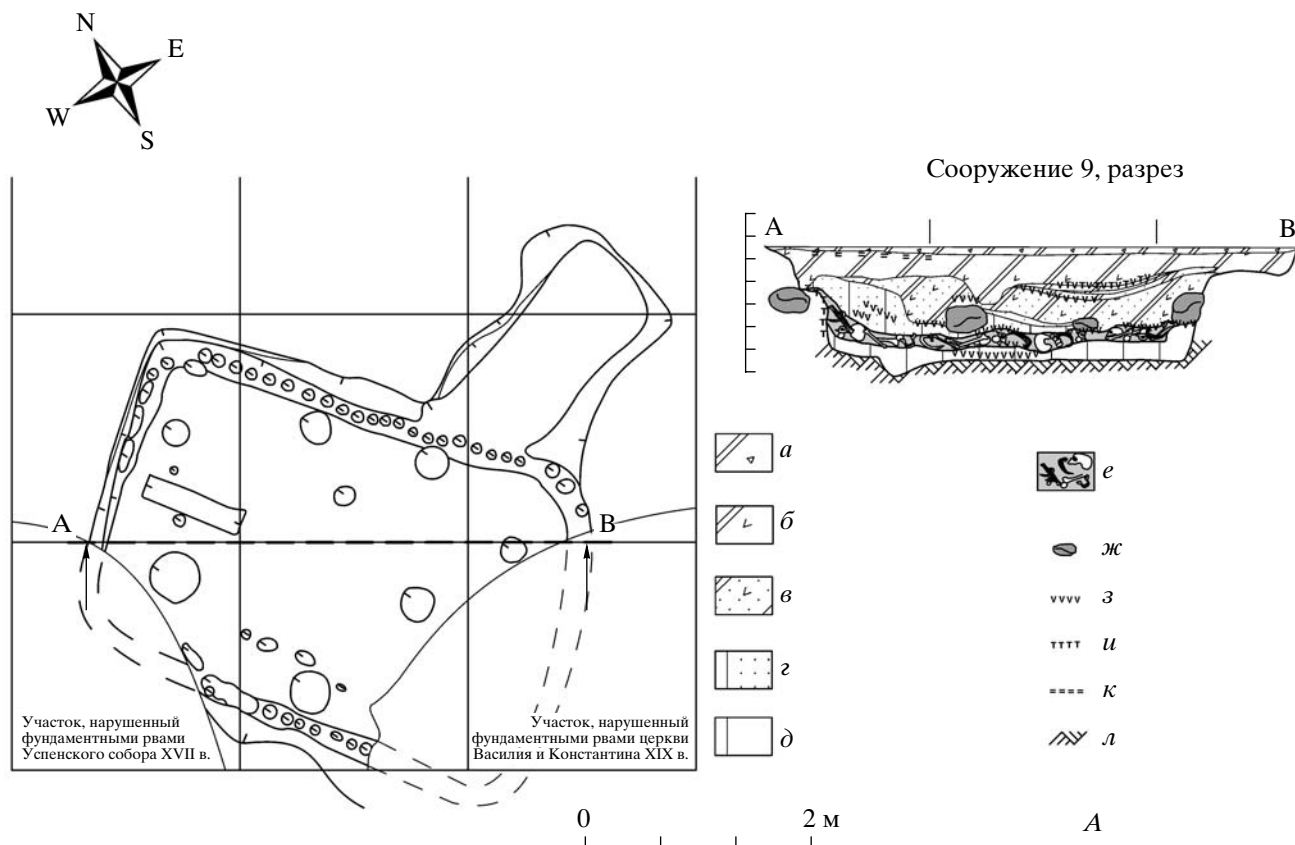
В придонной части постройки фиксируется слой пожара, перекрывший отдельные костяки со следами обожженности. Вероятно, люди (не менее четырех) находились внутри строения и погибли при пожаре. В центральной части постройки под слоем первоначальной засыпки прослежен угольно-зольный слой толщиной 4–5 см.

Основная масса костяков была уложена, точнее, свалена в котлован уже через некоторое время, о чем свидетельствует наличие первоначальной засыпки. Судя по расположению погребенных (костяки лежали хаотично, в различных позах: на боку, на спине, плашмя, в сложенном или перевернутом в пояском отделе виде, а также сброшены в котлован вниз головой), захоро-

нение было совершено в спешном порядке. В составе заполнения обнаружены кости животных, в том числе коровы и козы (остеологические определения выполнены кандидатом исторических наук Е.Е. Антипиной).

Погребение было завалено обгоревшими бревнами, плахами и отдельными крупными камнями. Плахи шириной 20–35 см, сохранившиеся на длину 60–160 см, лежат беспорядочно: некоторые из них – непосредственно на костях, другие отделены от погребения тонкой (10–12 см) засыпкой из серой супеси с углями, отдельные плахи прослежены под костяками и между ними. Все плахи сильно обуглены. Поверх верхнего яруса плах залегал слой крупных булыжных камней, размерами 25–60 см в поперечнике.

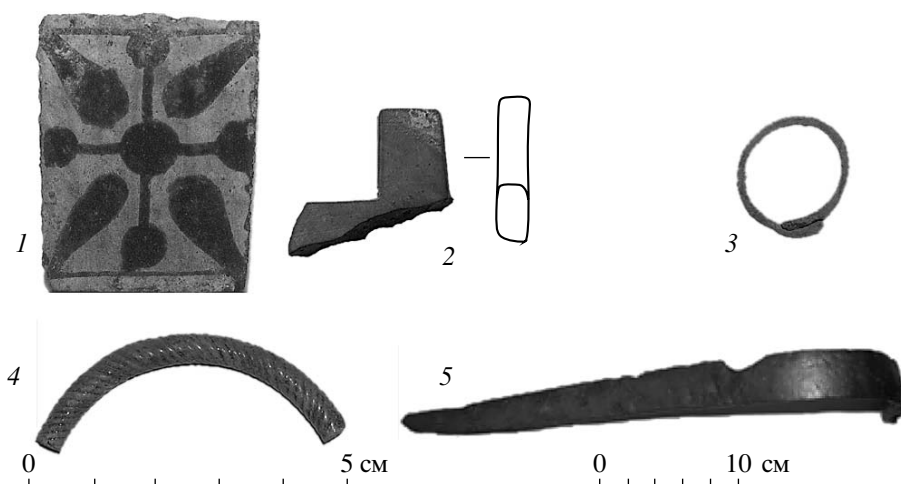
При разборе костяков были найдены (рис. 3, 2–4): бронзовые перстнеобразные проволоочные височные кольца (13 фрагментов), железное кресало и пряжка, каменный четырехконечный крест-тельник, стеклянные бусы (желтые и коричневые), обломки стеклянных браслетов (4 фрагмента). Подобные найденным височные кольца имеют широкую датировку, но преобладают на памятниках Северной Руси с X по XIII в. (Седова, 1981. С. 13, 15).

Рис. 2. Сооружение 9: А – план материка; разрез (условные обозначения: а – темно-коричневая супесь с включениями кирпичной крошки; б – темно-коричневая супесь с включениями угля; в – темно-коричневая супесь с включениями угля и песка; г – серая супесь с включениями песка; д – серая супесь; е – массовое захоронение; ж – валуны; з – прослойки угля; и – прослойки тлена; к – прослойки пещины; л – материк); Б – зачистка постройки на уровне материка; В – массовое захоронение.

При исследовании останков были выявлены фрагменты льняных, шерстяных и шелковых тканей, а также остатки меха, найденные на чере-

пе одного из погребенных. По предположению О.В. Орфинской, это остатки зимнего головного убора или ворота верхней одежды. Наличие ме-

Рис. 3. Находки из заполнения сооружений 9 (1–4) и 27 (5): 1 – витражное стекло; 2 – крест-тельник каменный; 3 – височное кольцо бронзовое; 4 – браслет стеклянный; 5 – сабля железная.

хой одежды позволяет отнести время гибели погребенных здесь людей к зимнему периоду.

В составе засыпки обнаружены: фрагмент стекла витражного зеленого с белым рисунком, вероятно, часть декоративного убранства раннего храма (рис. 3, 1). С этим же собором связана глиняная плитка для наборных полов. Керамическая коллекция, полученная при разборке данного комплекса, представлена древнерусской круговой керамикой начала XIII в. (обработка керамической коллекции выполнена кандидатом исторических наук Е.К. Кадиевой).

Еще один комплекс, сооружение 27, представляло собой погреб, или подклет, первоначально использованный для хозяйственных целей. На это указывает состав находок, среди которых обнаружены: белокаменный жернов, ключи (4 экз.), цилиндрические замки (2 целых, 2 пружины), ножи, шилья, рыболовные грузила и рыболовный крюк, ножницы, дужка ведра, а также сгоревшее зерно (рожь, единичные экземпляры зерен овса и пшеницы). Постройка, размерами 3 × 4 м, была заглублена по отношению к дневной поверхности не менее чем на 160 см, имела вертикальные стенки и плоское дно. Стенки котлована были укреплены посредством стоящих вплотную вертикальных кольев диаметром 8–12 см. В углах постройки располагались более массивные столбовые опоры диаметром 20–25 см.

При разборке постройки в ее придонной части было обнаружено коллективное захоронение, включающее останки одиннадцати погибших (рис. 4). В заполнении котлована найдено более двухсот предметов, в том числе перстнеобразные проволоочные бронзовые височные кольца с заходящими концами, круглодротовый перстень, а также большое число стеклянных браслетов (39 фрагмен-

Рис. 4. Сооружение 27. Массовое захоронение.

тов, среди которых есть гладкие и крученые). Время бытования подобных перстней М.В. Седова связывает с началом XI – 70-ми годами XII в. (1981. С. 122, 133). Очевидно, большая часть находок принадлежала погребенным. В составе находок присутствует обломок железной деформированной сабли типа палаша (рис. 3, 5). При расчистке постройки была обнаружена древнерусская круговая керамика первой половины XIII в.

Помимо сооружений в качестве вместилища для коллективного захоронения была использована глубокая хозяйственная яма (№ 262) с останками не менее семи индивидов. Округлая в плане яма имела размеры 180 × 200 см и была прослежена на глубину около 40 см. Стенки ямы достаточно крутые, дно уплощенное, немного скругленное. В яме были обнаружены разрозненные части

краниального скелета (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966). Возраст детей указывался коротким интервалом (1–2 года), благодаря более или менее точной оценке состояния закладок зубных коронок и/или выхода молочных или постоянных зубов и длине некоторых трубчатых костей (Ubelaker, 1978). Возраст половозрелых индивидов обозначался широким интервалом, отражающим наиболее существенные этапы развития организма, с учетом состояния зубной и скелетной систем. Помимо традиционных методик определения возраста (степень изношенности зубной коронки, степень облитерации швов черепа, сохранность некоторых крупных суставов костей конечностей и таза), использованы сведения о состоянии корней зубов (учет развития вторичного цемента и “прозрачности” корня вследствие регрессивных возрастных процессов) и сочленовных поверхностей позвонков и ребер (Bass, 1995).

Краниометрические и остеометрические признаки на черепе и длинных костях скелета измерены согласно общепринятой отечественной программе (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966). Для оценки биологического родства были использованы некоторые дискретно-варьирующие признаки. Таблицы смертности, примененные в этом исследовании, были проанализированы исходя из гипотезы стационарной популяционной модели, когда естественный прирост равен нулю (Weiss, 1973). Для расчета использована компьютерная программа Д.В. Богатенкова.

Для оценки качества жизни изученного населения и особенностей физических нагрузок были проанализированы частоты палеопатологий и степень развития костного рельефа. Программа палеопатологического обследования включала традиционно используемую группу признаков, как на зубах, так и на костях скелета. Отдельно рассматривались изменения зубной и скелетной систем, отражающие ежедневные нагрузки в связи с особенностями двигательной и хозяйственной активности (Бужилова, 1998). В этом исследовании материал изучался по нескольким направлениям, отражающим определенные задачи: 1) оценка массивности скелета; 2) оценка развития мускульного компонента; 3) оценка наличия характерных (часто используемых) движений у индивидуума; 4) оценка влияния физических нагрузок на сохранность крупных суставов; 5) фиксация патологических проявлений, связанных с профессиональной деятельностью.

На некоторых участках массового захоронения вследствие позднесредневековых строительных работ (ров для фундамента церкви) и/или нарушения слоев залегания погребенных костные останки располагались не в анатомическом порядке. Черепа, нижние челюсти и отдельные кости посткраниальных скелетов были сильно фрагмен-

тированы или отличались чрезвычайной некомплектностью, что обусловило невозможность группировки черепов, единичных костей скелетов в костяки, достоверно принадлежащие отдельным субъектам. Общая численность останков этих индивидуумов определялась суммированием количества целых черепов, черепных коробок/черепных крышек с количеством лобных костей/фрагментов лобных костей с обязательно сохранившимися областями точки *glabella*. Для контроля подсчитывалось количество затылочных костей/фрагментов затылочных костей с обязательно сохранившимися задними краями большого затылочного отверстия с точкой *opisthion* и нижних челюстей с фрагментами в области *gnathion*. При суммировании учитывалось максимальное количество наблюдений по фрагментам костей лобного, затылочного отделов черепов и нижних челюстей. Отдельно рассчитывались парные трубчатые кости (или однотипные кости по одной стороне тела), крылья тазовых костей (по одной стороне тела) и крестцы. Сведение результатов в общую таблицу дало информацию о минимально и максимально возможной исходной численности индивидов на переотложенных участках массового погребения.

В сооружении 9 погребена разновозрастная группа, состоявшая не менее чем из 97 человек. Число детей не превышает 30% обследованных. Группа выделяется нарушениями половозрастной структуры: отмечается малое процентное число мужчин (почти в 2 раза меньше, чем женщин, – 34% от числа взрослых), причем практически отсутствуют мужчины наиболее активного возраста – от 15–18 до 30–35 лет.

В числе погребенных в яме сооружения 27 шесть женщин в возрасте от 18 до 55 лет, трое мужчин 25–50 лет, а также два ребенка: один 6–8 лет, возраст второго неопределим. Интересно, что у всех индивидов мужского пола, захороненных в этой яме, отмечены травмы черепных костей. В двух случаях речь идет о старых травмах нижней челюсти, которые могут свидетельствовать о принадлежности данных индивидов к группе профессиональных воинов. В одном случае – срезан угол нижней челюсти, вероятнее всего мужчина был обезглавлен. В яме сооружения 27 наряду с двумя целыми костяками были захоронены части тел. При расчистке обнаружены головы или головы с первыми шейными позвонками. При этом сохранность костей хорошая, о чем говорит присутствие среди костей редко сохраняющегося окостеневшего надгортанного хряща у одного индивида. У трех индивидов отмечены случаи обгорания костей: в двух случаях речь идет о следах обгорания на черепах, в одном – в области плечевого сустава. Характер этих повреждений позволяет утверждать, что в момент смерти индивиды находились рядом с горящими сооружения-

ми. Количество женщин вдвое превышает количество мужчин, что соответствует соотношению мужских и женских костяков в яме сооружения 9.

В яме 262 достоверно определяется семь индивидов. Из этого числа четыре костяка женские, один – мужской, два – детские. Останки мужчины, умершего в возрасте 50–55 лет, несут следы обгорания. Так же как и в предыдущих ямах, очень велико количество женских костяков – 80% от числа взрослых индивидов.

При анализе половозрастного состава были использованы два гипотетических варианта возрастной структуры населения: в виде правильной пирамиды и в форме колокола. Первый вариант по демографической рубрикации определяет молодую (растущую) популяцию, второй – указывает на постаревшую (стационарную) группу. При прочих равных условиях первый тип возрастной структуры обуславливает быстрый рост населения, второй – медленный (Демографический словарь, 1985. С. 65). Исследованная часть выборки, т.е. умершие, разделена на определенные возрастные когорты, что позволило оценить, какого пола и возраста люди не погибли при этих драматических обстоятельствах. Отметим, что исследованная серия уникальна по своему происхождению, так как представляет по сути одномоментный хронологический срез. Таким образом, анализ демографической структуры проводился и с учетом возможности оценить биологическую выборку, а не палеоантропологическую серию, в которой всегда собраны индивиды разных поколений, так как любой некрополь функционирует не один год.

Во всех ямах соотношение мужских и женских костяков не соответствует стандартной половозрастной структуре, так как число вторых превышает число первых в 2 или более раза. Вероятнее всего, мужчины отсутствовали в момент трагедии.

Анализ этнических признаков изученного населения затруднен ввиду чрезвычайной фрагментации лицевых костей черепа. Тем не менее некоторые предварительные наблюдения были сделаны. В целом все характеристики соответствуют представлениям о вятичском населении данного региона, которое, будучи славянским, имеет в слабой форме черты местного финно-угорского населения (Алексеева, 1973; Гончарова, 2000). В то же время выраженная долихокрания отличает изученное население от потомков финно-угорских групп этого региона. Выступание носа выражено сильнее, чем в среднем у вятичей. Это не характерно для северных территорий Русской равнины. Возможно, в составе населения сохранились черты предковой популяции, среди которых были мигранты из южных и западных территорий. Однако возможно, что это крайние варианты нормального

вариационного ряда морфотипов, присутствующие в любой славянской группе. (Антропологическая реконструкция (рис. 6) выполнена судебно-медицинским экспертом, врачом высшей категории, сотрудником медико-криминалистического бюро Москвы С. Никитиным.)

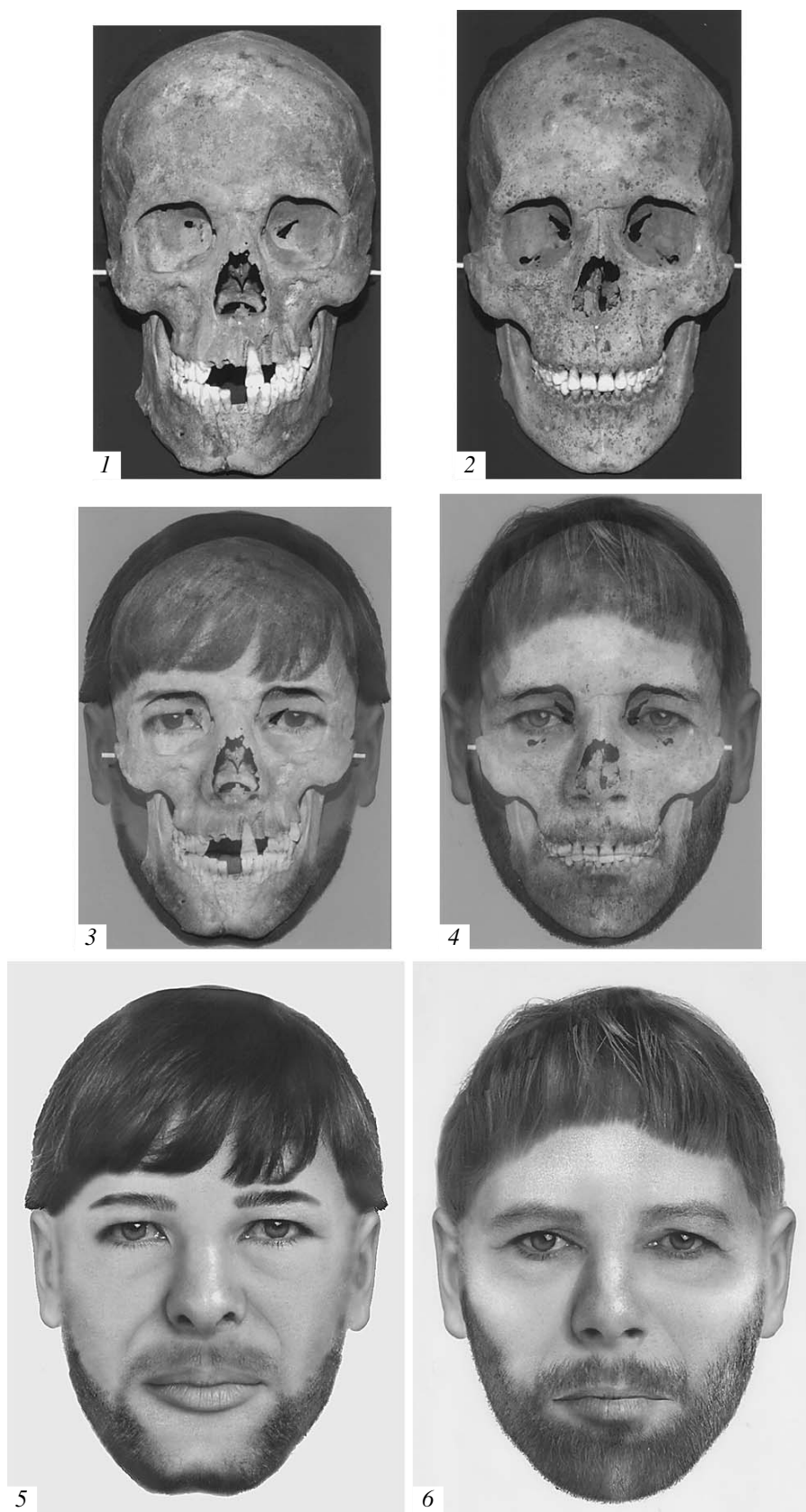
В изученной группе была проанализирована частота встречаемости некоторых генетически наследуемых признаков и аномалий. Высокая частота обнаруженных аномалий и генетически обусловленных признаков свидетельствует, что в коллективном погребении сооружения 9 были захоронены семейные группы. Численность погребенных в других ямах невелика и не позволяет провести подобный анализ.

Для характеристики занятия населения были проанализированы некоторые зажившие переломы, травмы мягких тканей с последующей оксификацией, дефекты на зубах. Зажившие переломы отмечены в небольшом количестве на костях взрослых (как правило, кости предплечья и нижние конечности). У четырех индивидов на одном из резцов обнаружены характерные сломы коронки – так называемый зуб портного, которые часто бывают у людей, занимающихся рукоделием (изменение формы коронки связано с привычкой обрывать нить зубами).

Анализ распространения заболеваний, особенностей рельефа мышц, заживших травм позволяет сделать заключение, что у исследованного населения нет признаков хронических инфекций, анемий, цинги и прочих серьезных заболеваний. Выявленные патологии указывают, что это местное, а не мигрантное население, которое было приспособлено к локальным условиям среды.

Обнаруженные антропологические материалы отличаются в целом хорошей сохранностью костных тканей. При этом большинство черепов сломано в результате механических повреждений (не современных) и зачастую представлено в виде мелких, бессистемных костей/фрагментов костей различных отделов черепа. Разнообразие разломов нижних челюстей можно систематизировать: чаще повреждены ветви челюстей. Эти разломы не имеют характерных следов от удара колюще-режущим оружием. Возможно, эти повреждения связаны с посмертным повторным переотложением останков погибших.

На некоторых костях таза, так же как и крестца, выявлены повреждения, которые могли быть произведены уже на останках полуистлевшего трупа при его переносе на другое место. Эти отломы могли быть образованы при ударе о твердые предметы. Ссохшиеся мягкие ткани не могли при этом защитить кость от разломов. Подобные причины повреждений отмечены и на некоторых костях конечностей. На длинных костях многих ин-

Рис. 6. Графическая реконструкция по черепам (1–4) и реконструированные портреты мужчин (5, 6) из массового захоронения сооружения 9. Автор реконструкции С. Никитин.

дивидов можно было проследить следы вдавленных повреждений от удара твердым предметом.

Следует обратить внимание, что в большей части изученных черепов отсутствуют лицевые кости при одновременном наличии некоторых хрупких и тонких костей основания черепа. Данное обстоятельство, как и представленные выше, является одним из аргументов в пользу предположения о перезахоронении или захоронении полуистлевших трупов людей в скором порядке.

При оценке травматических повреждений обнаружено большое количество травм черепа и некоторых костей скелета без следов некротического процесса и тем более следов заживления. Анализ этих повреждений позволил их классифицировать как травмы, нанесенные индивидам незадолго до их смерти. Некоторые из них, в основном черепные, можно расценивать как несовместимые с жизнью. Обнаруженные повреждения можно условно разделить на три группы: рубленые раны; колотые ранения; более резко выраженные дырчатые переломы (от удара колющим оружием с острым краем с прободением всех слоев костной ткани и образованием округлых по форме отверстий в костной ткани), а также дырчатые переломы, возникшие от удара тяжелым неострым предметом.

Среди рубленых ран обнаружены характерные повреждения на черепе в затылочной области ближе к шее. Это указывает на то, что рубили поверженного наземь человека. Есть рубленые травмы черепа взрослых в височной области и теменной. Обращают на себя внимание случаи разрубленных тазовых костей детей и взрослых. Есть два случая рубленой раны в области левого плеча с отсечением отростка лопатки. Очевидно, что такого рода повреждение могло возникнуть при нанесении удара убегающему человеку. Обнаружено несколько случаев рубленых ранений лица с повреждениями нижних челюстей.

При оценке колотых ранений были обнаружены травмы в области грудных позвонков. Эти повреждения могли быть нанесены острым концом сабли. Также отмечены колотые ранения в области крыльев таза, которые, по-видимому, были нанесены по касательной острым колющим оружием типа копья или пики. Обнаружено много сходных по размеру дефекта дырчатых переломов на лопатках и крыльях таза. Такие повреждения могли возникать при ранении дистанционным оружием, вероятно, стрелой с наконечником около 10 мм в диаметре.

Большое число случаев незаживших травм представлено в виде дырчатых переломов на плоских костях черепа в области как лобной, так и теменных костей, с характерным радиальным растрескиванием. Характер повреждений позволяет сказать о виде травмирующего предмета: это небольшой, диаметром 50–70 мм, тяжелый

предмет, в котором можно предположить оружие типа кистеня. Есть случаи повреждения тела нижней челюсти, т.е. удар наносился по лицу. Такие повреждения фиксируются на костях и взрослых, и детей.

Анализ представленных травм свидетельствует, что удары наносились в область головы, спины и живота, как правило, сверху и сзади. В двух случаях повреждения черепных костей позволяют реконструировать ситуацию смерти: речь идет о сильных разрушениях черепа в области височных костей одновременно слева и справа. Из криминалистической практики известно, что такие повреждения возникают, когда индивид повержен на землю и удары наносятся тяжелым предметом сверху в область уха и виска. Возможно, некоторую часть людей добивали. В нескольких случаях на костях одного индивида отмечены две или более смертельные травмы. Этот факт характеризует “психологическую” сторону нападения: по-видимому, перед нападавшими стояла задача тотального истребления населения.

Таким образом, анализ антропологических материалов позволяет сделать общие выводы. Исследован одномоментный “срез” городского населения с нарушенной демографической структурой – с малым количеством молодых мужчин, преобладанием женщин и детей. Количество незаживших травм и их характерные особенности приводят к выводу о насильственной и жестокой смерти изученного населения, которое подверглось нападению профессионального военизированного отряда всадников, которые не оставляли в живых никого. Наличие большого количества посмертных разломов костей, характерных для мумифицированных, высушенных скелетов, а также погребение погибших в общих ямах, не приспособленных для такой цели, заставляет предполагать спешное, санитарное погребение трупов, которое время находившихся на поверхности. Подобные обстоятельства захоронения позволяют с уверенностью исключить версию о гибели людей в результате морового поветрия или в случае локального междоусобного конфликта.

Для сравнения были привлечены материалы из другого средневекового поселения близ села Городище Шепетовского района Хмельницкой области (раскопки М.К. Каргера, 1957–1958 гг.), которые позволяют реконструировать не менее трагичную, чем в Ярославле, гибель жителей. По мнению М.К. Каргера (цит. по: Рохлин, 1965), это поселение можно отнести к летописному Изяславлю, который был полностью уничтожен во время нашествия Батые на Русь. Д.Г. Рохлин указывает, что костные останки были обнаружены не в погребениях, а в виде отдельных разрозненных находок под развалинами сожженных жилищ, устроенных внутри оборонительного вала. Кроме того, были обнаружены большие груды

костей, названные М.К. Каргером костямицами. По мнению Д.Г. Рохлина, костица представляют останки людей, которых сбрасывали друг на друга (1965).

Д.Г. Рохлиным были изучены фрагментарные останки более 200 индивидов, треть из которых были детскими. Большинство ранений было нанесено рубящим оружием – мечом или саблей, отмечались и ранения колющим оружием, оставляющим на костях дырчатые дефекты с радиальным растрескиванием. Кроме того, были обнаружены черепные травмы, нанесенные оружием типа палицы или булавы. Среди убитых было много женщин и детей. Следует отметить, что большинство ранений, по реконструкции Д.Г. Рохлина, были нанесены сзади и сбоку. Автор исследования предполагает, что рубили поверженных, брошенных на землю, по-видимому, связанных (Рохлин, 1965. С. 209, 210).

Эти наблюдения объединяют обе серии и свидетельствуют о том, что разгром как Изяславля, так и Ярославля монголо-татарами был стремительным и агрессивным. В результате пострадало мирное население – в основном женщины и дети. Полученные выводы хорошо вписываются в общий контекст исторических фактов, подтвержденных данными археологических исследований.

Отсутствие взрослого мужского населения в данном случае можно объяснить уходом дружины на р. Сить, где князь Юрий Всеволодович стягивал все имеющиеся у него силы для организации отпора грозному противнику (Лаврентьевская летопись, 1997. Стб. 461). Скупые летописные упоминания отмечают лишь факт похода татар на Ярославль. Так, в Лаврентьевской летописи (1997. Стб. 464) под 1238 г. содержится следующая запись: “Татарове поплениша Володимер и поидоша на великого князя Георгия... и идоша к Ростову а ини к Ярославлю”. Ярославль упомянут среди других 14 городов Суздальской земли (Владимир, Суздаль, Ростов, Городец, Галич и др.), взятых татарами в феврале 1238 г. (Лаврентьевская летопись, 1997. Стб. 464). Пал ли Ярославль в результате штурма или сдался без боя и тем самым избежал погрома, летопись не упоминает. Отсутствие информации о характере захвата города дало повод некоторым историкам предположить, что ряд городов, в том числе и Ярославль, были сданы без боя (Комаров, 2006. С. 31, 32).

Сведения о массовых расправах монголов над жителями покоренных городов содержатся в Троицкой летописи, где приводится картина разоренной и сожженной Москвы, открывшаяся взору Дмитрия Донского, въехавшего в город после набега хана Тохтамыша: “...и видиша град взяти и огнем пожжен и церкви разорены...” (Приселков, 1950. С. 424, 425). Для нас этот летописный отрывок интересен тем, что он содержит сведения о похоронах большого количества по-

гибших от набега (“...людей мертвых множество бесчисленное лежащих”), а также называет определенную сумму денег, которую великий князь Дмитрий распорядился заплатить тем, кто будет осуществлять этот процесс: “...тела их мертвых трупа хоронити, ...и даваста от 40 мертвец по полтине, а от 80 по рублю, и счетоша того всего дано бысть полтора ста рублей” (Приселков, 1950. С. 424, 425). По-видимому, для ликвидации погрома была организована специальная похоронная команда, работа которой оплачивалась из казны.

Братские могилы, обнаруженные на площади городища Ярославля, находят прямые аналогии с комплексами, открытыми при раскопках в городах, жестоко разгромленных монголами. Впервые следы массовых захоронений жертв монгольского нашествия были обнаружены при раскопках великокняжеского двора в Киеве в 1892 г. Во рву выявлены останки тысяч людей со следами насильственной смерти (Хойковский, 1893. С. 16). В 1907 г. такое же погребение зафиксировано В.В. Хвойко у Десятинной церкви. В одной из братских могил поверх костяков был обнаружен скелет с характерными монгольскими чертами, с расщепленным черепом (Хвойко, 1908. С. 29). Скопление нескольких сотен разрозненных тел, среди которых преобладали женские и детские костяки, было обнаружено при раскопках рва у Золотых ворот. Инвентарь составляют найденные в заполнении обломки стеклянных браслетов, стеклянные бусы, обломки амфорной тары, проволочные височные кольца и древнерусская керамика XII – начале XIII в. Сверху погребение присыпано тонким слоем лесса. Исследователи связывают это захоронение с разгромом города монголами в 1240 г. (Дяденко, 1968. С. 207).

Массовые захоронения в Старой Рязани были обнаружены в 1926 г. В.А. Городцовым в траншеях восточной части Северного городища (47 погребений). Костяки имели следы повреждений рубящим оружием (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 372). В 1979 г. раскопками у д. Фатьяновка на месте древнерусского поселения, растянувшегося вдоль кромки Оки, была зафиксирована еще одна обширная могила жертв монгольского нашествия (67 захоронений). В котловане глубиной 1.3 м убитых клали без гробов рядами в три яруса друг над другом. Следы насильственной смерти очевидны – пролом черепа, застрявшие в костях наконечники стрел. Разнообразное положение рук указывает на захоронение смерзшихся трупов. Примечательно, что в данном случае захоронение также произведено вблизи церкви. Половозрастные определения, выполненные А.А. Петруцким, показывают преобладание мужчин в возрасте от 30 до 40 лет. В захоронении отсутствуют юноши и девушки – эти категории пленников не подлежали уничтожению и были угнаны в рабство (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 380).

Комплексный анализ полученных материалов и совокупность данных позволяют отдать предпочтение версии, согласно которой выявленные нами при раскопках в Ярославле коллективные захоронения являются результатом трагических событий 1238 г. Очевидно, захват Ярославля состоялся примерно в то же время, что и Суздаля, Владимира и Ростова, т.е. в феврале 1238 г. Люди погибли в зимнее время, о чем свидетельствуют остатки двухслойной одежды и меховых головных уборов. Долгое время останки лежали не погребенными, что исключалось бы в случае междоусобицы. Татары сжигали захваченные города, Ярославль не стал исключением: в культурном слое этого времени прослежены остатки обширного пожара. Однако он не мог быть обычным городским бедствием, что подтверждается составом погребенных и характером травм, приведших к гибели людей. Количество погребенных и взаиморасположение данных комплексов (расстояние между ними 20–40 м) указывают не только на значительные масштабы, но и особенности трагедии: люди собрались в одном месте, в укрепленной части города, возможно в храме. Последующий после разорения период характеризуется состоянием запустения, проявившегося в снижении интенсивности жизни.

Новые данные, полученные в ходе раскопок ярославского городища 2005–2006 гг., позволяют частично восстановить истинные масштабы и крайнюю жестокость монгольского погрома, соответствующие тактике тотального террора, применяемой монголами по отношению к завоеванным ими территориям.

Авторы выражают благодарность сотруднику Института культурного и природного наследия О.В. Орфинской за проведенные исследования образцов тканей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
- Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.
- Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.
- Гончарова Н.Н. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами происхождения // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2. М., 2000.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
- Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
- Дяденко В.Д. Разведки и наблюдения за земляными работами в Киеве // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968.
- Комаров К.И. Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь // Археология Верхнего Поволжья. М., 2006.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1997. Т. I.
- Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
- Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М., 1965.
- Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. М., 1981.
- Хойковский И.А. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 г. Киев, 1893.
- Хвойко В.В. Раскопки в Десятинной церкви // ИАК. Прибавление к т. 2. СПб., 1908.
- Bass W.M. Human osteology. A Laboratory and Field Manual. Columbia, 1995.
- Ubelaker D.H. Human Skeletal remains. Excavations, Analysis, Interpretation // Smithsonian institution. Chicago, 1978.
- Weiss K. Demographic models for Anthropology // American Antiquity. 1973. V. 38. № 2.

Medieval mass graves in Yaroslavl: analysis of archeological and anthropological materials

A. V. Engovatova, D. O. Osipov, N. N. Faradjeva, A. P. Buzhilova, N. N. Goncharova

Summary

The article presents an integrated analysis of several mass graves discovered in the course of excavations at the Yaroslavl fortified settlement (kremlin) in 2005–2006. Among other complexes, four pre-Mongol structures were investigated, – basements and a household pit. One of the most interesting complexed is the sunken structure (construction 9) which contained the remains of 97 people who had died through violence. It is evident that the complexes belong to the same time. Analysis of different versions of the catastrophe on the basis of detailed anthropological and archeological data allowed to interpret the mass graves as a consequence of the February 1238 massacre when the troops of Batu Khan had taken the city.